

Андрей Печёнкин

Ехал Грека через реку

Непридуманные рассказы из жизни.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Печёнкин
Ехал Грека через реку

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Печёнкин А.

Ехал Грека через реку / А. Печёнкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

"Юмористические рассказы Андрея Печёнкина по градусу юмора намного выше произведений О" Генри и, где-то близки к литературному творчеству Михаила Задорнова..." - народный артист РСФСР Геннадий Хазанов. Непридуманные рассказы из жизни. Прикольные случаи из практики хирургов, лётчиков и алкашей. Содержит нецензурную брань.

ЕХАЛ ГРЕКА ЧЕРЕЗ РЕКУ

Этот воскресный день 1995 года Борька Мордашкин не забудет никогда. В этот выходной он отмечал день молодёжи в своём родном Волгограде. Выпил со товарищами три бутылки водки, одну вина и одну шампанского. Пошатался по рынку. Потолкался с малолетками на дискотеке. К вечеру забрёл на "квадрат" сам не зная, зачем ходит и чего ищет.

Сел Борька на лавку и сидит. И тут к нему подсаживается какая-то шалава. Тоже – пьяная в задницу.

– Я, – говорит, – вон с того парохода. Через три часа он уплывает, давай с тобой выпьем, а потом махнём ко мне в Ульяновск.

– Да ты что, – отвечает Борька, – У меня ж денег нет ни копейки!

– Ничего, – говорит, – Я плачу. Будешь жить у меня как у Христа за пазухой.

Ну Борька и согласился. Выпили они ещё бутылку, завалились в шалавину каюту и поплыли. А Борька-то, хоть и пьян, но сам думает: "Щас до Волжского доедем и там сойду". А на то, чтобы "трахнуть" шалаву у Борьки сил уже не оставалось.

Ну, а пароход-то взял и прошуровал мимо Волжского без остановки. Расстроился Борька: "Ладно, ночью будем в Камышине, там сойду". А пароход как пёр, так и прёт без остановки. Так мимо Камышина и проплыл.

Остановился пароход только утром. В Саратове. Шалава проснулась, злая такая, об Ульяновске уже и не намекает. Собрался Борька на выход и говорит шалаве:

– Ну денег-то мне хоть дай, а то как я домой вернусь?

Ничего не сказала шалава, отвернулась мордой к стенке и одеялом накрылась.

Что делать? Смотрит Борька – вентилятор в углу стоит. Хвать его в пакет и – на улицу.

Полдня бродил Борька по речному вокзалу. Продавал вентилятор. Продавал какому-то солдату. За 15 тысяч.

Сел в автобус и поехал на железнодорожный вокзал. Приехал он на вокзал, а там контролёры. А билета у Борьки не было. Прицепились к нему контролёры:

– Давай десять тысяч!

– Да вы чё, мужики! – взмолился Борька и рассказал им свою историю. И 15 тысяч показал. А контролёры своё:

– Ничего не знаем, давай деньги, а то милицию вызовем!

Сидеть в саратовской КПЗ Борьке никак не хотелось. Отдал он контролёрам 10 тысяч, да ещё пригрозил напоследок:

– Приеду в Волгоград, всем расскажу – какое гнильё в Саратове живёт, педики вы несчастные, голубые!

Пришлось Борьке подаваться к привокзальным бомжам. Так и так, чуваки, где у вас тут можно подработать?"

– Утром, – говорят – Пойдёшь в такое-то место, туда фуры с мясом приезжают. На разгрузке можно заработать.

Отоспавшись в подвале подался Борька туда, где разгружают фуры. Просидел полдня, ни одна фура не приехала. Грустный, побрёл он куда глаза глядят. Смотрит, возле пивного ларька стоят две бляди. Пиво пьют. Подкатил Борька к ним и давай рассказывать свою историю. Бляди налили ему кружку пива:

– Мы поняли, кто ты такой. Ты – БДС.

– А что это такое? – поинтересовался Борька.

– Бомж дальнего следования, – отвечают.

– Где это вы видели бомжей в белых носках?

Поглядели бляди – действительно: носки почти белые. Выдали они тогда Борьке десять тысяч. А больше у них не было. А билет до Волгограда стоил 31 тысячу.

Побрёл Борька дальше. Брёл, пока не увидел на лавочке двух женщин лет, эдак, под сорок. Подсел к ним, рассказал свою печаль.

– Ну, пошли к нам, – предложили женщины. Как выяснилось потом, были они сёстрами и жили в двухкомнатной квартире.

– Заходи, переночуешь! – предложили они.

– Нет, не пойду!

– Заходи давай!

Затащили они Борьку к себе, накормили и постелили ему на кухне.

Утром дали они ему десять тысяч рублей.

– Больше, – говорят. – Нет у нас.

Покрутился Борька по квартире и высмотрел, что на секретере у них часы командирские лежат. Борька – цоп их и в карман.

Вышел он на улицу и айда снова шататься по городу. Увидел двух кавказцев с девахами, услышал в разговоре слово "Апшерон". Кавказцы оказались азербайджанцами с Апшерона.

– Да я ж там служил,— обрадовался Борька.— Выручайте, пацаны!

Азербайджанцы ему и говорят:

– У нас у самих всего тридцать "штук", а ещё баб надо в кабаки сводить. Вот тебе десять, а утром пойдёшь на рынок, подойдёшь к любому нерусскому и скажешь, что ты от Мамеда.

На следующее утро грязный и заросший Борька явился на центральный рынок. Подошёл к первому "чёрному" торговцу:

– Я от Мамеда.

Заклинание возымело силу. "Чёрные" набросали ему почти сто тысяч рублей. "Во дела!— подумал Борька.— Русские кинули, а чурбаны помогли!"

Радостный отправился Борька на вокзал. А там — игровые автоматы. "Поиграю,— решил Борька.— Может чего и выиграю". И... проиграл "одноруким бандитам" все деньги.

Совсем разозлился Борька: "Щас точно кого-нибудь замочу!" И тут видит — идёт мимо вокзала дебилая пьяная тётка лет сорока пяти. Идёт, шатается, а под мышкой сумочку держит. Подкатил Борька к ней:

– Мамаша, дай закурить!

– Отвали!

– Спасибо!— и — хватить у неё сумочку и быстрее ноги делать отседова. А бабенция-то как заверещит! Оглянулся Борька — за ним толпа здоровенных мужиков гонится. Бегут, колья на ходу из земли выворачивают. Припустил Борька, что есть духу...

Забегал он в какой-то квартал, отдышался, открыл сумочку. В ней — пять тысяч. Борька даже взвыл от такой невезухи. Потом огляделся, смотрит — недалеко фура стоит и водитель возле неё возится. Борька к нему:

– Шеф! Часы командирские нужны? одна тысяча!

Водитель покачал головой:

– А на что они мне? Впрочем, стой, моя часы себе хотела. Давай я ей отнесу.

Взял водитель часы и понёс в дом. Вернулся с тридцатью одной тысячей!

Тут уж Борька не оплошал. Быстро купил билет и уже утром был в родном Волгограде. Грязный, заросший, но непобеждённый!

33 НЕСЧАСТЬЯ

«Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Печёнкине в газете».

Я хочу рассказать историю, произошедшую со мной много лет назад. Но прежде надо заметить, что у меня с детства имелась некоторая склонность к литературному творчеству. Её замечали родители, родственники, учителя. «Да,— говорили они.— В будущем твой талант сможет тебя прокормить, ты уже сейчас пишешь стихи не хуже самого Пушкина, да что там не хуже — лучше! Ты — талантливый человек! Ты выше Пушкина!»

Конечно, ростом, может быть, я и выше Пушкина, а вот что касается ума... В конечном итоге такие похвалы и привели меня в редакцию многотиражной газеты «Стройка коммунизма».

Честно говоря, я им не навязывался. Редактор, прослышав неизвестно от кого о моём существовании сам пригласил занять меня место корреспондента. На дворе стоял 1981 год, мне было 17 лет и я был полон энтузиазма и решимости творить великие дела. И знать не знал я тогда, что живу в застойное время, что кругом свирепствует коммунистическая цензура и что Леонид Ильич совсем не такой хороший человек, как о том верещали со всяких трибун.

Итак,— буркнул редактор, смерив меня колючим взглядом,— работать хочешь?

И тут же подтвердил:

Вижу, что хочешь.

Я даже не успел открыть рот, чтобы сказать «не знаю».

На работу мы тебя примем недельки через три, после ухода в декрет корреспондентки Фёдоровой, а пока можешь отдыхать,— сказал он.

А может поработать пока на общественных началах?— робко предложил я.

Вот это дело! — сразу оживился редактор. — И откладывать не будем, поедёшь... м-м... скажем в учебный комбинат Волгоградгидростроя и напишешь про его начальника Юдина. Давай, действуй!

Долго и упорно плутал я по кварталам города, прежде чем отыскал комбинат. Нашёл в нём и Юдина. Правда тот заявил, что не знает он никакой такой «Стройки коммунизма» и вообще, наверное, он не тот Юдин, потому что это школьный УПК, а не УПК Гидростроя. Ну и ну!

К вечеру я всё же нашёл то, что было нужно. Оно оказалось метрах в ста от редакции. Спросил у секретарш, где Сам. Те любезно показали на двери его кабинета, посмеявшись мне в спину. Срывающимся от страха голосом я задал товарищу Юдину несколько вопросов и отправился писать статью.

Так было выполнено моё первое задание. И с этого момента началась беспокойная жизнь провинциального журналиста. Нередко приходилось вставать в четыре часа утра и мчаться на перекладных чёрт знает куда, чтобы вернуться домой в двенадцать ночи; месить грязь на стройках коммунизма, порой недоедать и недосыпать... Платили мне 100 рублей, а били как котлету.

Редакция наша состояла из шести человек. Кроме редактора и меня, были ещё фотограф Каратицкий из-за своих выпуклых глаз и своеобразного смеха: «Ух-ух!» похожий на сову; корреспондентка Рогозина, курящая дама, втихомолку докладывавшая редактору обо всём, корреспондент Кадурын, человек неопределённого возраста, буквоед, ни одну статью которого не хватало терпения дочитать до конца. На вид ему было 26-46 лет. И была также машинистка по фамилии Степанищева-Меньшикова, тихое и безответное создание. Все мы ежедневно делали газету, зная что её всё-равно никто не читает и читать не будет ибо в те времена и в центральных газетах читать было нечего, куда уж нам! Но мы все изображали усиленную работу, газета с нашими статьями прямиком шла в общественные туалеты, все получали мизерные оклады и всем было хорошо. Кроме меня. Я решил как-то оживить нашу никем не читаемую газету с помощью абсурдных, гротескных статей, по-сути являвшимися пародией на всю агитационно-политическую работу того времени.

Но редактор! Ох уж этот редактор... Он крепко держался за своё тёплое кресло и поэтому измывался надо мной, как хотел. Из каждого десятка моих статей в печать попадала лишь одна, да и та в неузнаваемом виде. Остальные навечно оседали в ящиках редакторского стола.

Вот как-то беседуя на одном заводе с начальником цеха, я услышал от него такую фразу: «Работают в основном у нас условники, которых на работу не загонишь и под пистолетом». Так я и написал в статье. Редактор же, прочтя рукопись, заёрзал в кресле:

Ну, знаешь ли, условники, зачем же прямыми словами... Давай лучше напишем так: «Люди недостаточно квалифицированные...»

И так повторялось изо дня в день. В конце-концов даже такому терпеливому человеку как я это надоело. «Коль не печатают мои статьи, так может попробовать извлечь какие-нибудь личные выгоды из моей работы?» – вот что пришло мне в голову. Я тотчас же явился к редактору и с наглым видом заявил, что мне как газетчику необходимо установить домашний телефон. В редакции воцарилось гробовое молчание.

И магнитофон кассетный, а то стыдно с блокнотиком-то ходить, – поняв что отступать поздно, добавил я.

На телефон не рассчитывай, – едва сдерживаясь от гнева, прервал сквозь зубы редактор. – Не заработал ишшо.

И приказал мне идти на комсомольскую конференцию, которая должна была состояться в следующую субботу.

Ну вы тогда выходной мне в понедельник дайте, а то что же я ещё и по субботам вкалывать должен! – возразил я.

Вот это даёт! – присвистнул корреспондент Кадурин.

И вслед за его словами вся редакция набросилась на меня стаей голодных акул. Добрых сорок минут они втолковывали прописные истины о самопожертвовании и высоком долге советского журналиста. Так что в итоге мне всё-таки пришлось побывать на этой конференции.

Следующие три дня я не выходил из-за стола, писал и писал до радужных кругов перед глазами. Отчёт получился неплохой, на семнадцати листах. Бережно держа листы, я положил их перед редактором.

Много что-то ты на этот раз написал, сокращай!

Сократил. Принёс опять.

Сокращай!

Сократил ещё, понёс в третий раз.

Всё-равно много, – сказал редактор.

Между прочим, в соседней газете «Знамени труда» такой же отчёт опубликован на двух полосах, – ехидно заметил я.

А ты мне «Знаменем труда» не тычь! – взревел редактор. – У нас не «Знамя труда», а «Стройка коммунизма». Вот когда будешь иметь собственную газету, тогда и будешь писать, что хочешь, а пока выполняй что я тебе говорю! Так, что ты тут написал? Речь командира педотряда Васильевой? Ха-ха! Что это ещё за педотряд?

Педагогический.

Ха! Так бы и писал, а то – педотряд! Может они там этим и занимаются, я не знаю, ха-ха-ха! Но зато я знаю одну бабу, которая действительно этим занимается. Ха-ха! Вычёркиваем. И он повычёркивал ещё добрую половину того, что осталось от этого опуса.

Ну ладно, – подобрав сказал он. – Не будем мы тебя никуда теперь посылать, пришло время тебе самому искать темы для материалов.

Тогда я пойду в бригаду Чепрасова на завод крупнопанельного домостроения, – сказал я и отправился в путь.

Репортаж про Чепрасова вышел на славу. Я аккуратно переписал его на чистый лист бумаги и сдал машинистке. Спустя день редактор вызвал меня в кабинет.

Э-хе-хе! Не пойму что-то я тебя, то ли ты издеваешься над нами, то ли такой простачок на самом деле. Послушай, что ты написал: «Страшно подойти к бригадиру во время работы: в красной каске и чёрном комбинезоне, свирепо озираясь по сторонам, он с упоением долбит ломом железобетонную панель». Чего это он озирается? Ворует что-ли эти панели? И как можно работать с упоением и в то же время озираться? Не знаешь ты тяжёлого труда, помахал бы денёк-другой ломом, узнал бы тогда, какое это упоение. Ну вот что я тебе скажу, видно, рано тебе доверять самостоятельный поиск объектов, а вот помнишь, как ты много ходил по стройкам и видел, что некоторые молодёжные бригады, числящиеся в списках комитета комсомола как действующие, давно распались. Вот и напиши об этом хорошую критическую статью: почему так получается, что секретарь комитета комсомола не знает о таком положении дел, вымети в этой статье всю свою ненависть к грязным дорогам на которые ты мне так часто жаловался. Вообще, напиши обо всём, что ты там увидишь. Езжай!

«Ух,напишу!» – решил я и принялся за критическую статью.

На следующий день редактор, захлёбываясь от смеха читал следующее:

Проникнув через забор на территорию стройки, обливаясь грязью, я заявился в бригаду. Там не было ни души. Ободранный ДТ-54 замер, задрамши в небо своё тупое рыло. Немыслимые кучи мусора, обломков плит и земли. Лишь в покосившемся вагончике отыскивались два живых гуманоида. Мутными зелёными глазами посмотрели они на меня сквозь груды пустых бутылок. «Напиши про нас», – попросил один из них, а другой добавил: «Нам солнца не надо, нам партия светит. Нам денег не надо – работу давай!» Да, не выйдет из тебя журналист. Давай-ка подыскивай себе другую специальность. Как найдёшь – скажешь. Ну а сейчас сходи куда-нибудь, да вот хотя бы в женское общежитие, напиши о том, как они живут.

Не оценили моих усилий, – сказал себе я и так как терять мне уже было нечего, решил показать напоследок редактору, какие таланты водятся на земле русской.

Я сел и написал.

Умный человек, прочтя это произведение, наверняка бы произнёс: «Я сделал всё, что мог. Кто сделает лучше?»

Редактор этого не сказал. Он уткнулся носом в стол и по рыби раскрыв рот, стал пятернёй вытирать ручьями стекающие из глаз слезы. Задыхаясь сквозь мучившие его приступы смеха, он читал:

«В передвижной библиотеке общежития найдется книга по вкусу даже самому искушённому читателю...» Ха-ха! Какому такому искушённому? Вычёркиваем,... «научная – «Занимательная физика», «Болезни собак»... Зачем женскому общежитию болезни собак? «...Художественная – Буссенар. Ростан, Дюма...» Зачем всех их перечисляешь? Вычёркиваем. Что тут дальше? «В летние выходные дни девчата выезжают в волго-ахтубинскую пойму на турбазу. Там, среди наполненного ароматом воздуха, среди порхающих бабочек, птичьего многоголосия, где лёгкие порывы ветра и монотонно-приятное жужжание лесных пчёл льют бальзам на нежные сердца доблестных тружениц мрачного города...» Ха-ха-ха! «Любопытный читатель наверное захочет спросить: так что же, девчата общежития только и делают, что ничего не делают – читают и рисуют, пляшут и поют, весело живут? Изволь, я тебе отвечу: нет! Когда ударит час, они берут в руки тяжёлые молотки, лопаты и грабли и дружно идут на субботники по благоустройству окружающей местности...» Ха-а-а-а!!!

Дальше редактор уже читать не смог. Пшеничным снопом он рухнул со своего кресла на пол. Лицо его побагровело, глаза, дико выпучившись, вылезли из орбит, всё тело забилося в каких-то невысказанных конвульсиях, а изо рта бурным потоком хлынула кровавая пена.

Через какое-то время он всё-таки пришёл в себя, сел на пол и прохрипел:

Эй, люди! Сюда! Почитайте шедевр!

Выгнали меня на следующий день.

Редактор под свою диктовку заставил написать заявление об уходе по собственному желанию, хотя я настаивал «по несоответствию с занимаемой должностью».

Ты клоун, – сказал редактор. – Распугал нам всю стройку. От нас уже шарахаются, когда узнают, кто мы такие: «Был тут уже один корреспондент», – говорят. Это про тебя! Иди на физическую работу. Рабочий – это ведь почётно!

А что же тогда вы, здоровые мужики, не идёте туда же, на вас брёвна возить надо, а вы по редакциям штаны протираете? – спросил я.

Ну, мы видим, что ты ничего не понял, – только и нашлись, что ответить они.

Тогда прощайте, – сделал я последний выпад. – Но не обижайтесь, если кого-нибудь из вас я встречу в тёмном углу...

И не успел добавить: «И руки вам не подам», как редактор вскочил:

Ага, слышали! Товарищ машинистка, садись и печатай: «Акт. Мы нижеподписавшиеся: редактор газеты Брыкин, корреспонденты Кадурын, Каратицкий и Рогозина заявляем, что корреспондент Печёнкин в ответ на предложение редактора уволиться по несоответствию с занимаемой должностью, пригрозил сотрудникам редакции физической расправой.»

Я вышел из редакции, крепко хлопнув обшарпанной дверью.

А журналист впоследствии все-таки из меня вышел. Клоун остался.

ПЁС БАРБОС И НЕОБЫКНОВЕННЫЙ КРОСС

Есть у меня приятель, 77-летний Валерий Яковлевич Осипов – заядлый велосипедист. Всё время он что-нибудь придумывает в плане усовершенствования велотранспорта. То катамаран соорудит с педальным приводом, то велорикшу, то велосомобиль под парусом.

Гостил он как-то у своих в хуторе Тарасов. Ну сын с невесткой умотали куда-то по делам в город, а Яковлевичу захотелось пива, ведь на хуторе магазина-то нет. И вот Осипов решил съездить в ближайшую станицу Островскую за возжеленным напитком. На велосипеде, естественно, ибо другого транспорта Яковлевич отродясь не признавал. А чтобы было быстрее, додумался он привязать впереди велика здоровенную немецкую овчарку.

Сказано – сделано. Засидевшаяся на цепи псина побежала довольно резво. Летит Осипов на велике, даже ногами не перебирает, прямо-таки душа радуется!

Вот уже и окраина станицы показалась... И тут на скорости 60 км/ч пёс увидел... кошку! Аккурат за поросшим репейником высохшим оросительным каналом. И ринулся туда вместе с велосипедом. Перепуганная кошка с испугу влетела в стаю пасущихся кур и начала нарезать круги. Крики, перья, мятущиеся куры... Распугав всех кур, куошка и псина полетели к ближайшему лесу...

...Очнулся Осипов ободренным и висющим на суку с велосипедом, застрявшим между двух деревьев. А, главное, почти голым. Потому что из одежды на нём осталась только резинка от трусов. В таком виде и поехал он домой. А чтобы не смущать своим видом встречных, он отпраавился по другой малоезженной дороге по над обрывом реки Медведицы.

...В это время на этой заросшей дороге уже с утра пьянствовали заезжие московские автотуристы. Одна тётка из оных аккуратно собирала цветочки метрах в ста впереди всей компании. Увидев внезапно вылетевших на неё двух существ в репейниках и перьях, одно из которых ещё и было окровавленным как Фредди Крюгер, туристка заорала: «Водяной!» и бухнулась в обморок. Пьяная компания завопила: «Аллах ахбар!» и кинулась с обрыва. Пёс и Осипов ураганом пролетели сквозь накрытый на траве стол, прокатились по спинам трахавшейся неподалёку молодой парочки и скрылись в зарослях.

Из тех москалей, которые попрыгали с обрыва, двое тёток утопи в Медведице, а один мужик убился попав головой в топляк. У трахавшейся парочки от неожиданности произошло

защемление – отливали водой. А тётка, собиравшая цветочки, до сих пор пребывает в институте психиатрии и каждый раз при появлении главврача задумчиво произносит: «Так вот ты какой, Водяной!»

АЛКАШ И ИНТЕЛЛИГЕНТ

Интеллигент трясся на задней площадке «Икаруса». Он возвращался домой. Не «Икарус», а интеллигент. На одной из остановок в автобус запрыгнул худющий, подчёркнуто скромно одетый Алкаш с испитым лицом и стеклянными глазами. Запрыгнул и встал рядом с интеллигентом.

Слышь, – через какое-то время спросил он у интеллигента. – Время сколько?

12.38 – ответил интеллигент не обратив на алкаша особого внимания.

Так они постояли ещё несколько минут.

Слышь, а у меня морда не грязная? – снова спросил алкаш.

Нормальная, – ответил интеллигент.

Алкаш ещё немного помялся и вдруг предложил:

Может пива выпьем? Понимаешь, ну не могу один пить, а деньги у меня есть

На работу скоро... – подумав, протянул интеллигент.

Вот все вы так, – сказал алкаш. Давеча тоже одному предложил в автобусе, а он как заорёт: «Работать надо!» Мент как раз рядом был, подходит: «В чём дело?» А я ему так и говорю, да тут какой-то ненормальный стоит, я ему пива предлагаю выпить, а он мне: «Работать надо»! Ха-ха! Ну чё, идём?

Идём! – неожиданно решился интеллигент.

И они пошли. А как выпили прямо у ларька одну банку, алкаша потянуло по малой нужде.

Ладно, пошли ко мне, – скомандовал интеллигент. – Я здесь рядом живу.

Едва дотянул алкаш до туалета, а оправившись в своё удовольствие, прошёлся по квартире интеллигента:

А хата у тебя ничего! А ты часом не мент какой-нибудь? А то я пью сейчас с тобой, а ты потом возьмёшь и заберёшь меня. Я тут тоже давеча одному выпить предложил водки. Ну сели мы с ним эдак в кафе, он вынимает пачку сигарет и на стол её кладёт, а сверху красную корочку. Я чуть не охренел – капитан милиции оказался! А он мне, мол, не бойся ты, что ж я не селовек что ли, и мне выпить охота.

Нет, я не мент, я педагог, – успокоил алкаша интеллигент.

Тогда алкаш сказал:

А давай ещё выпьем!

Хорошо, – сказал интеллигент. – Выпьем, но только с условием, что ты расскажешь мне про свою жизнь.

На том и порешили. Взяли ещё две пустые банки и пошли к пивному ларьку. А там очередь – оё-ёй какая!

Ничё, – сказал алкаш. – Сейчас возьмём!

Он соорудил зверское выражение лица и подошёл к впереди стоящему пареньку азербайджанской национальности:

Слышь, братан, возьми-ка две банки!

Азербайджанец испуганно схватил посуду и вскоре взял пива и себе и алкашу. Алкаш и интеллигент вернулись домой. Выпили по стаканчику, а пиво свежее, так в башку и садануло. Вмазали они и алкаш начал свой рассказ:

Работаю я гидроизолировщиком, крыши толью покрываю. А сам-то закончил цирковое училище, два выхода на арену у меня было, а потом упал из-под самого верха. Высота там.... большая.

В опилки?

Да, в эти самые опилки. Ну и сломал позвоночник. Присвоили инвалидность и больше тридцати килограмм сказали не поднимать. Вот и всё. Нет, мне, конечно, и в цирке предлагали остаться, мол, у тебя способности клоуна есть, да я не захотел – ни к чему это. Раньше-то тело какое у меня было – одни мускулы, а сейчас что? Вон, – показал он на фотографию группы «Форум» на стене. – Знаком с этими со всеми. Был у них в номере – бардак как у тебя. Причём, заметил я – у всех артистов всяких и интеллигентов всегда в доме всё разбросано... О, и Высоцкий у тебя тут, – перевёл он глаза на две большие фотографии Высоцкого. – Я с ним в семьдесят третьем в Сочи отдыхал. В гостинице номера рядом были.

Да ты что! С самим Высоцким? – аж вскочил интеллигент.

Ну и что, я с родственниками своими там был, а он – с Маринкой. Ну Маринка, а я её на пляже в купальнике видел, это такая баба!!! – Алкаш сжал кулаки и вытаращил глаза. – Ух! Были б у меня пять тысяч, отдал бы сразу, чтобы, как говорится, провести с ней ночь в интимных отношениях. Да. Выше она его вот на столько, ну оденет туфли простые, а он – ботинки на высоком каблуке и гуляют по городу, вроде бы вровень. Я-то сначала боялся к нему подойти, ну потом племянница познакомила всё-таки, сказала: «Там дядя с вами хочет познакомиться». А он: «Ну зови его сюда!» Взял я у него автограф сначала, а потом уж обнаглел, начал каждый день автографы таскать и фотографии. У меня этих автографов штук пятьдесят.

За разговором были выпиты ещё шесть литров пива. «Нельзя этого ханыгу упускать, – подумал интеллигент. – Я у него все автографы выманю.» «Надо этого фраера ещё раскрутить на выпивку, – подумал в это же время алкаш. – Грабить, так грабить.» Пиво хорошо дало по мозгам обоим и обоим уже не совсем хорошо держались на ногах.

Ну чё, можа водки ещё вмажем или вина? – предложил алкаш. – У меня четыре рубля осталось.

И у меня двенадцать. – сказал интеллигент. – Пошли.

И они отправились к винному магазину. А тот оказался закрыт. На перерыв. Что ж, стали ждать открытия. Так ждали они, ждали, пока интеллигенту не приспичило удовлетворить уже свои естественные надобности. Потерпел интеллигент немного и сказал:

Эт самое, вот тебе... поддержи-ка двенадцать рублей, а я схожу поссу за угол.

И пошёл за угол. Поссал там как полагается, не стесняясь по пьяной лавочке никого и минут через пять вернулся на прежнее место. Алкаша не было. Денег тоже.

Вот те, мать твою так! – выругался интеллигент и пошёл фланировать в неизвестном направлении, тупо озираясь по сторонам в поисках своего недавнего приятеля.

А впереди его уже ждали гостеприимно распахнутые двери автомобиля из милицейского медвытрезвителя.

1990 г.

СИКИЛЁКА КАКОНАДА

Анекдот из жизни.

Магазин «Пятёрочка». Заходит китаец, по-русски, естественно, ни бельмеса, набирает кучу продуктов, подходит к кассе, достаёт кошелёк:

Како надо?

Кассирша:

832 рубля.

Сикилёко, сикилёко?

Кассирша на чистейшем китайском языке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.